

**СЕМАНТИКА ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В МИРОВОСПРИЯТИИ РУССКИХ И АНГЛИЧАН****Екатерина Н. Киселева***Пермский государственный национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия*

Keywords: possessivity category; syntactic structure; possessor; object; possessivity relation; national world view.

Summary: In this article the syntactic constructions $yX(\text{есть})Y$ and $X \text{ has } Y$ are regarded as a way of the possessivity category representation in the Russian and English world views.

This universal cognitive category consists of three components: a possessor, an object and the possessive relation between them. In modern cognitive researches this category is modeled in the form of a frame. The central part of this frame is occupied by a subframe "properly possession".

All languages can be divided into BE-languages and HAVE-languages according to the main predicative way of "properly possession" representation. The Russian language belongs to BE-languages; the English language is a HAVE-language.

There are several meanings of possessivity that depend on the words semantics which fill in X and Y positions in the syntactic structures. The main meaning is ownership. According to A. Vezhbitskaya ethnosyntactic conception the principle of a sentence forming in a language is regarded the national world view. The objective form of a subject (the genitive case) and the verb *быть* point to passive and experience world view of the Russians (A. Vezhbitskaya's term) and their non-active attitude to possessions. The agentive form of a subject (the nominative / common case) and the verb *have* demonstrate agentive world view of the English culture representatives and their active attitude to possessions. These attitudes to possessions spread to the other possessivity meanings such as a subject characteristic, a subject states (physiological, psychological, and mental) and the meaning of an event in a subject's life. The structure $yX(\text{есть})Y$ represents that a subject is not an active possessor of characteristic, state and he is "pushed aside" from taking part in an event. The structure $X \text{ has } Y$ demonstrates that a subject is an active possessor of characteristic, state and he plays the active role in an event.

In general possessivity meanings that $yX(\text{есть})Y$ and $X \text{ has } Y$ represent coincide in the Russian and English languages. But the English structure has some additional meanings that are not represented by $yX(\text{есть})Y$. These meanings are connected with location semantics. The meanings are a subject and an object co-location and an object presence in the space which has possessive relation with a

subject. Representing these meanings the structure *X has Y* keeps active semantics of a subject.

В статье конструкции *у X (есть) У* и *X has Y* рассматриваются как один из способов репрезентации категории посессивности в свете национального мировосприятия.

Категория посессивности представляет собой универсальную когнитивную категорию, отражающую «действительные, реальные связи между предметами внешнего мира, отмеченные и категоризированные нашим сознанием» (Чинчлей, 1984: 15). Посессивность предполагает такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них – объект обладания – «включается» в другой – посессора (обладателя). Объект обладания принадлежит посессору, составляет его часть, определенным образом связан с ним (Топоров, 1986: 149). Соответственно, посессивность включает в свою структуру три компонента: обладатель, обладаемое и отношение посессии между ними. Посессивность теснейшим образом сопряжена с локативностью, так как обладатель и обладаемое мыслятся только в пространстве и во многих случаях именно из локализации обладателя в определенном месте вытекает его конкретная связь с обладаемым (Там же: 155).

Категория посессивности имеет антропоцентрический характер, поскольку ориентирована на человека, осваивающего и присваивающего себе внешний мир. Этот факт находит отражение в прототипических конструкциях, где в качестве посессора выступает одушевленное лицо, человек, а в качестве объекта обладания – неодушевленный предмет.

В современных когнитивных и лингвокультурологических исследованиях категория посессивности рассматривается в виде фрейма – модели для измерения и описания знаний, хранящихся в памяти людей (см.: Милованова, 2007). Конститутивными компонентами фрейма, выстроенного М.В. Миловановой на основе глаголов со значением посессивности, являются субфреймы «начало посессии», «собственно посессия», «окончание посессии», при этом субфрейм «собственно посессия» представляет собой центральное звено данного фрейма (Там же: 24).

Разные нации видят и концептуализируют мир неодинаково, что находит отражение в структуре языков. С позиции того как репрезентируется субфрейм «собственно посессия» в синтаксической структуре предложения, языки разделяются на БЫТЬ- и ИМЕТЬ-языки (см.: Бенвенист, 2009). В одних индоевропейских языках отношение

обладания представлено глаголом БЫТЬ в основной посессивной синтаксической структуре, в других языках это отношение эксплицируется с помощью глагола ИМЕТЬ. Русский язык является типичным представителем БЫТЬ-языков, поскольку основной предикативной конструкцией, репрезентирующей посессивные отношения, является *у X (еть) Y: У Игоря был ключ*. Английский язык принадлежит к группе ИМЕТЬ-языков, так как предикативная конструкция, выражающая указанный тип отношений, имеет вид *X has Y: I have a handkerchief*.

Как отмечают исследователи, конструкции с глаголом БЫТЬ и формой родительного падежа посессора представляют более ранний этап в глоттогенезе предложения, чем конструкции с глаголом ИМЕТЬ и формой именительного падежа обладателя (Мещанинов, 1963; Климов, 2009). ИМЕТЬ появляется позже как более специфичный глагол для обозначения отношений обладания (Чинчлей, 1984: 19).

Как известно, в языке закрепляется только то, что имело или имеет значимость для народа. Грамматика, в частности синтаксис, представляет собой одну из наиболее устойчивых сфер языка, поэтому «именно в грамматике языки фиксируют наиболее существенные концепты для культуры соответствующего народа» (Карасик, 2002: 208). Исследования показывают, что имеется связь между бытованием в языке определенных синтаксических конструкций и мировосприятием народа. В соответствии с этносинтаксической концепцией А. Вежбицкой широкое распространение конструкций типа *у X (еть) Y* в русском языке, т.е. конструкций, в которых основное лицо, субъект, выражено формой не именительного, а косвенного падежа, свидетельствует о *пассивно-экспериментальной* жизненной ориентации русских. Такой тип установки связан с представлением о событиях как случающихся независимо от воли человека. Людям свойственно ощущение того, что им неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизнь, события ограничена (Вежбицкая, 2011: 332, 342). По мнению исследователя, «пассивно-экспериментальный способ в русском языке имеет более широкую сферу применимости по сравнению с другими славянскими языками, еще более, нежели в немецком или французском, и значительно более широкую, чем в английском» (Там же: 342–343). В английском языке представлены главным образом конструкции типа *X has Y*, т.е. структуры, в которых субъект выражен формой именительного (общего) падежа, что отражает *агентивное* мировосприятие носителей англоязычной культуры. Агентивная жизненная ориентация связана с осмыслением всех

происходящих событий как подвластных человеку, находящихся под его личным контролем (Там же: 342). Таким образом, структура *X has Y* отражает деятельную установку человека по отношению к миру, структура *y X (есть) Y* – пассивно-экспериментальную. Отметим, что исторически структура *X has Y* связана с агентивной семантикой, поскольку ИМЕТЬ развился из глаголов «держатъ», «хватать» (Молошная, 1989: 164), т.е. глаголов с семантикой активности. Глагол БЫТЬ, в первую очередь, связан со значением бытия, не предполагающим агентивной семантики.

Общее значение посессивности, которое реализуют модели *y X (есть) Y* и *X has Y*, конкретизируется в зависимости от семантики слов, входящих в состав данных структур. Можно разграничить центральное и периферические значения посессивности, которые репрезентируются исследуемыми структурами. Отметим, что синтаксическая конструкция русского языка в форме настоящего времени может быть представлена двумя вариантами: с выраженным и невыраженным глаголом *есть*. Экспликация / импликация *есть* зависит от семантики лексических единиц, заполняющих позиции *X* и *Y*, а также смысла, который стремится передать говорящий.

Центральным значением, которое представлено данными структурами, является **отношение обладания, владения**, при этом позицию посессора занимает одушевленное лицо, а позицию обладаемого – неодушевленный предмет. По словам Т.М. Николаевой, оптимальной ситуацией посессивности является постоянность владения, установка на единственность, уникальность объекта, которым посессор хочет владеть в позитивных для себя обстоятельствах (Николаева, 1989: 232). Соответственно, субъект в подобных обстоятельствах выполняет функцию бенефицианта: *Catherine had a little over 12 hundred lire* (Н.). В русском языке значение обладания, владения выражается как структурами с глаголом *есть*, так и без него: *У меня есть кипятильник* (Т.); *У нас тридцать шесть квартир* (Б.). Ю.Д. Апресян и О.Н. Селиверстова объясняют разницу в употреблении вариантов структур тем, что при использовании конструкции с глаголом *есть* смысловой акцент делается на наличии объекта у посессора вообще, а в конструкции без указанного глагола внимание сосредоточено на актуальном владении этим объектом (Апресян, 1995: 515; Селиверстова 2004: 67–68).

Специфика построения синтаксических структур языков репрезентирует то, как представители наций видят взаимосвязь человека с предметами, явлениями окружающего мира. В устройстве структур *y X (есть) Y* и *X has Y* определенным образом отражается

отношение русских и англичан к собственности как объекту обладания, при этом в отношении к собственности прослеживаются пассивно-экспериментальные черты мировосприятия русских и агентивные англичан. По словам исследователей, в русской культуре материальное благополучие не является самым важным в жизни человека, в связи с чем отмечается осуждение собственности как самоцели человеческой жизни (Бабаева, 2005; Тер-Минасова, 2000). Данное отношение к материальному благу порождает «легкое» отношение русских к собственности, которое проявляется в том, что на утрату собственности не рекомендуется обращать большого внимания. По мнению Ю.А. Рылова, «легкое» отношение русских к собственности обуславливает представление обладателя формой родительного падежа, что позволяет дистанцировать, отстранить объект обладания от субъекта (Рылов, 2006: 51). В русском народном сознании также не поощряется стремление к собственности, активное приложение усилий для увеличения и сохранения блага (Бабаева, 2005: 861–864). Нередко те или иные приобретения рассматриваются не как личные заслуги человека, что, вероятно, обуславливает отмеченную Е.В. Бабаевой близость понятия собственность к концептам «Бог», «судьба». Неактивность человека в процессе получения и владения собственностью, по-видимому, также детерминирует выражение посессора не именительным падежом, связанным с агентивностью, а формой родительного падежа, имеющей объектную семантику.

В англоязычной культуре наблюдается несколько иная тенденция. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «понятие материального благосостояния играет огромную роль, <...> поэтому быть богатым – стремление и желание каждого, это морально-этическая норма, которая социально поощряется, а быть бедным – очень плохо и противоречит общественной этике» (Тер-Минасова, 2000: 72). Приложение личных усилий для достижения и сохранения блага также имеет большое значение в западной культуре. Следовательно, указанное представление о материальном благе обуславливает в английском языке выражение посессора формой общего падежа, посредством которой акцентируется внимание на активном характере личности в процессе владения чем-либо.

Общее отношение русских и англичан к собственности, материальному благу проецируется на другие категории, которые связаны с субъектом посессивными отношениями.

К отношению обладания, владения довольно тесно примыкают **межличностные отношения**, обозначающие некое лицо – обладаемое – через его отношение к лицу – обладателю. Характер межличностных

отношений раскрывает существительное в позиции *У*. Такой тип отношений возникает в связи с тем, что человек входит в разные типы функциональных пространств (семьи, системы (университета, завода и пр.) и т.д.). Межличностные связи могут быть родственными и неродственными. Родственники обычно относятся к неотчуждаемой собственности человека, т.е. принадлежат к таким элементам множества, наличие которых изначально запрограммировано у человека: *У меня есть правнук (У.)*; *John and Christine had two children (NH)*.

В русском языке межличностные отношения репрезентируются наряду с *есть*-конструкцией конструкцией без *есть*: *У твоего Давида много состоятельных знакомых. Организуй подписку. Они дадут (Б.)*. Отличие передаваемых смысловых отношений состоит в том, что конструкция с глаголом *есть* сообщает о наличии *У* у *X* вообще, а конструкция без *есть* передает информацию о наличии *У* в описываемый момент существования *X*, при этом наличие *У* в данный момент существования *X* является фактором, способствующим разрешению некоторой проблемы.

Периферическими значениями посессивности, которые выражаются структурами *у X (есть) У* и *X has Y*, являются значения свойства, состояния субъекта, а также значение события в жизни субъекта.

В структурах, передающих семантику **свойства субъекта**, *У* выступает как свойство, а *X* – как его носитель. Субъект в данном случае играет роль пациента. В качестве посессора может выступать одушевленное лицо и предмет. Человеку и предмету присущ определенный набор неотчуждаемых элементов. У человека в такой набор входят части тела, внутренние органы, абстрактные сущности, расположенные «внутри» человека – душа, ум, совесть и т.д. Описывая эти элементы, мы даем характеристику человеку. Смысловым центром предложений с семантикой свойства субъекта становится признаковый компонент, характеризующий тот или иной элемент неотчуждаемой собственности.

Человек-посессор может характеризоваться с внешней стороны: *У него большие руки и ноги (Т.)*; *He had a long thing nose and thin lips (Ch.)* и с внутренней: *У шофера была хорошая реакция (Т.)*; *That woman has a genius for organization (J. Mortimer. Summer's lease. London: Penguin Group, 1988, BNC)*.

Предмет-посессор обычно характеризуется по свойству своих составных частей: *...у рукавиц были длинные тесемки на запястьях (У.)*; *...the trees along the road had small leaves (H.)*.

В русском языке предложения с указанной семантикой строятся по безглагольной модели. В данном случае отсутствие *есть* относит связь субъекта с элементом неотчуждаемой собственности к пресуппозиции.

В структурах *у X (есть) У* и *X has Y* с исследуемой семантикой субъект выступает в качестве обладателя свойства, при этом свойство воспринимается как преимущество *X*, которое он может использовать в своих целях. В русскоязычных предложениях активность субъекта в проявлении свойства несколько снижена, в отличие от субъекта в англоязычных предложениях, являющегося активным носителем свойств.

В конструкциях, выражающих значение **состояние субъекта**, *X* выступает в качестве обладателя некоего состояния, представленного в позиции *У*. В качестве посессора выступает одушевленное лицо, а в качестве объекта – чувства, мысли, ощущения. Субъект играет роль экспериенцера.

В зависимости от семантики лексем, заполняющих позицию *У*, можно выделить следующие типы состояний.

А) Физиологическое: *То есть первичной всё-таки является потливость, а не лысинка на темечке, и не следует, обнаружив её у своего ребёнка, в панике восклицать: "Ой, у него рахит"* (А. Разакова. Первый год и вся жизнь (2002). В: «100% здоровья», 2002.11.11, НКРЯ); *I've had the jaundice* (Н).

Б) Психоэмоциональное: *у Новенькой было счастливое детское чувство...(У.); ...he had positive flair for not being Simon* (NH).

Болезни, эмоции воспринимаются как нечто протекающее во времени. В русском языке семантика физиологического и психоэмоционального состояния выражает структура без глагола *есть*. Импликация *есть* в данном случае передает семантику временности состояния (Селиверстова, 2004: 72).

В) Ментальное: *У меня идея. Такая шальная, сумасшедшая, что я от нее просто пьянею* (Б.); *He had some real knowledge of art history* (F.).

В данных предложениях русского языка форма родительного падежа посессора создает впечатление отстраненности субъекта от процесса переживания болезни, чувства и несколько снижает активность в обладании ментальной сущностью, в то время как в предложениях английского языка субъект, наоборот, воспринимается как активный обладатель физиологического, психоэмоционального и ментального состояний.

В конструкциях, выражающих значение **события в жизни человека**, позицию *X* занимает лицо, а позицию *Y* – чаще всего отглагольное существительное или лексема типа *случай, ситуация, событие*. Отглагольные имена представляют собой свернутую предикацию. Субъект, как правило, выступает в роли агенса: *У меня был разговор с председателем Совета резидентов* (Б.); *...they had a big row* (НН), но может выполнять и функцию пациенса: *Среда – операционный день. У Риты операция. <...> Риту отвезли в операционную* (Т.).

Как отмечает К.Г. Чинчлей, подобные именные конструкции редко синонимичны глагольным. «Имя обозначает ситуацию глобально, а глагол относится к актуальному действию; имя содержит больше импликаций, чем мотивирующий его глагол» (Чинчлей, 1984: 100).

Конструкция *у X (есть) Y* представляет событие так, как будто субъект принимает «отстраненное» участие в событии. Структура *X has Y*, напротив, репрезентирует ситуацию таким образом, что субъект активно вовлечен в описываемый процесс.

Как было показано выше, исследуемые структуры выражают схожий набор значений в русском и английском языках. Однако структура *X has Y* имеет более широкую сферу применимости в отличие от *у X (есть) Y*. В английском языке по типу обладания могут строиться предложения, компоненты которого связаны между собой **пространственными отношениями**. В представлении данных отношений так же, как и в репрезентации вышепредставленных значениях, ощущается определенный контроль *X* над *Y*.

Конструкция *X has Y* передает информацию о том, что лица находятся в отношении пространственного соположения: *She had a porter with her* (Н.). Также данная структура может сообщать о нахождении *Y* в пространстве, связанном посессивными отношениями с *X*: *They have him in their own country!* (B. Wood. Rebel angel. London: Headline Book Publishing plc, 1993, BNC); *Personnel have him in the Reception at the moment* (L. Keane. False impressions. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1990, BNC). В данном типе предложений пространственное положение *Y* по отношению к *X* преимущественно определяется волей и желанием субъекта.

Таким образом, структуры *у X (есть) Y* и *X has Y* являются предикативными способами выражения универсальной категории посессивности. В устройстве данных структур отражаются особенности мировосприятия русских, связанные с инактивным отношением субъекта к миру в целом и собственности в частности, и специфика восприятия действительности англичан, обусловленная

деятельностным подходом к окружающему миру и материальным благам. Жизненные установки русских и англичан распространяются не только на центральное значение посессивности, выражаемое структурами *у X (есть) У* и *X has Y*, но также имеют проекцию и на периферические значения. Семантика исследуемых структур преимущественно совпадает в русском и английском языках. Однако посессивная конструкция *X has Y* обнаруживает дополнительные значения, связанные с семантикой пространственности, при этом активное начало *X* по отношению к *У* сохраняется.

Литература:

- Апресян, Юрий. Д. 1995. *Избранные труды в 2 т. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Школа «Языки русской культуры». 767 с.
- Бабаева, Елена. В. 2005. Собственность. В: *Антология концептов*. Т.2. Волгоград: Парадигма. С. 836-871.
- Бенвенист, Эмиль. 2009. *Общая лингвистика*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 448 с.
- Вежбицкая, Анна. 2011. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур. 568 с.
- Климов, Георгий. А. 2009. *Принципы контенсивной типологии*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 224 с.
- Мещанинов, Иван. И. 1963. *Структура предложения*. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 103 с.
- Милованова, Марина. В. 2007. *Лингвокультурологические характеристики категории посессивности в русском и немецком языках*: Автореф. дис. док. филол. наук. Волгоград. 44 с.
- Молошная, Татьяна. Н. 1989. *План выражения категории посессивности*. В: *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Москва: Наука. С. 112-215.
- Николаева, Татьяна. М. *Посессивность и другие содержательные категории в высказывании*. В: *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Москва: Наука. С. 216-246.
- Рылов, Юрий. А. 2006. *Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки*. Москва: Гнозис. 304 с.
- Селиверстова, Ольга. Н. 2004. *Контрастивная синтаксическая семантика: опыт описания*. Москва: Едиториал УРСС. 152 с.
- Тер-Минасова, Светлана. Г. 2000. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: Слово. 624 с.
- Чинчлей, Корнелия. Г. 1984. *Некоторые аспекты типологии категории посессивности (на материале романских, германских, балтийских и славянских языков)*: Дис. канд. филол. наук. Москва. 242 с.

Список цитируемых источников и принятых сокращений:

- Борисова, Анна. 2012. *Vremena goda*: роман. Москва: Астрель. 480 с. (Б.)
- Токарева, Виктория. 2008. *Самый счастливый день*: повести и рассказы. Москва: АСТ Хранитель. 415 с. (Т.)
- Улицкая, Людмила. 2008. *Казус Кукоцкого*: роман. Москва: Эксмо. 736 с. (У.)
- Chase, James. 2002. *Come easy – go easy*. Moscow: Рольф. 384 p. (Ch.)
- Fowles, John. 1980. *The Ebony tower; Eliduc; The Enigma*. Moscow: Progress Publishers. 246 p. (F.)
- Hemingway, Ernest. 2004. *A farewell to arms*. St.-Petersburg: КОРОНА принт, КАРО. 416 p. (H.)
- Hornby, Nick. 2000. *About a boy*. London: Penguin books. 278 p.

Электронные ресурсы:

- Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (НКРЯ).
- British National Corpus. – Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk (BNC).